

Ирина Александрова

Сюжет:

72-я годовщина со Дня Победы

Kandinskiy Dmitriy | vtomske.ru

Дмитрий Кандинский / vtomske.ru

Тамара Броновицкая: «На фронте мне сутками приходилось оперировать раненых»

Тамаре Юльевне Броновицкой 93 года. В Томск она переехала недавно, живет здесь шестой год. Хотя Сибирь в ее жизни уже была: семилетней девчонкой она оказалась здесь в ссылке. А еще в ее жизни была Великая Отечественная война, где выпускница училища, лейтенант Броновицкая спасала раненых как военфельдшер. О том страшном времени мы с Тамарой Юльевной и поговорили. Хотя, возможно, в ее рассказах ужасы выглядят не так вопиюще, как могли бы, в силу оптимистичной и жизнерадостной натуры собеседницы и ее умения замечать хорошее в любой ситуации.

— Тамара Юльевна, в Сибири вы оказались не по доброй воле?

— Да, сюда я приехала в семь лет, маму со мною и двумя братьями сослали в село Лянино в Новосибирской области после ареста отца. Он был дворянином, двоюродным братом Вениамина Куйбышева и работал специалистом в области химических технологий в ведомстве Лазаря Кагановича. В марте 1931 года приехал черный «воронок», отца забрали, нам велели собираться в Сибирь. Я тогда болела «свинкой». Мама одела нас тепло, помню, на мне была беленькая шубка и пуховой платок. Еще сунула мне какую-то шкатулку, те, кто нас арестовывал, этого не заметили, и я привезла ее в Сибирь. Там было немного драгоценностей. Больше ничего взять не удалось.

Когда нас вывели из дома сажать в «воронок», то солдат грубо толкнул маму. А мы жили на первом этаже, и в квартире осталась овчарка, хорошая собака, жившая с нами много лет. Она выскочила из окна и бросилась на этого человека, который так обращался с мамой. Он выхватил пистолет и нашу овчарку застрелил. У меня полжизни была перед глазами эта картинка: как на моих глазах убили любимую собаку.

— После этого страшного момента была долгая дорога в неизвестный край?

— Наш вагон с арестантами прицепили к «скорому». Он шел на Дальний Восток. Семью поместили в одно купе, вместо дверей там была решетка, запертая на замок. Когда маме нужно было в туалет, то ее сопровождал солдат. И там тоже были решетки, все делать приходилось под конвоем. Ехали две недели. Вечером нас привезли в сельсовет Лянино и там оставили.

— **Где вы жили?**

— Нам повезло — что с нами делать, в сельсовете не знали. И вдруг зашла хорошо одетая женщина и стала узнавать, кто мы такие. Начальник ей объяснил: ссыльная семья, куда определять их, неизвестно. Она спросила, может ли забрать нас к себе, он только обрадовался: проблема решилась. Ирина Семеновна, как звали эту замечательную женщину, была учительницей химии в средней школе. Она жила в огромном доме, дети его уже покинули, уехали учиться. Для нас она растопила баню, подыскала какую-то одежду. Для девочек у нее вещей не было, и мне досталась кофта Ирины Семеновны, я ходила в ней как в платье. Мы наконец вымылись, мама выстирала наши вещи. Хозяйка спросила, умеет ли мама шить и, услышав утвердительный ответ, успокоила: голодны не будете, клиентов найду. У нее дома была машинка «Зингер». Через некоторое время нам кто-то прислал денег (я так никогда и не расспросила у мамы кто именно нам помог), мы купили небольшой домик рядом с Ириной Семеновной, там и поселились.

— **Что в 1931 году представляло собою село Лянино?**

— Деревня была большая, дворов 500. Дома хорошие, немало людей зажиточных, своя школа есть. Потом в селе появилась машинно-транспортная станция, а еще через какое-то время из Англии привезли баранов, стали скрещивать их с местными овцами, для выведения породы приехали ученые из сельхозинститута. Руководитель института искал лаборантов. Ему сказали, есть грамотная женщина, но у нее муж оказался врагом народа, его расстреляли... Тот ответил: «Я занимаюсь не политикой, а наукой», принял маму на работу, через год предложил ей получить в институте образование. Сказал, у меня не политический вуз, жене врага народа там учиться можно. И она в 37 лет поступила, окончила институт и стала ветеринаром. Мама у меня была удивительная! Я и сегодня, прежде чем сделать что-то важное, всегда думаю, как бы на это посмотрела мама, какое решение она бы приняла.

— **Почему вы выбрали медицину?**

— Мой дед был земским врачом. Хотя в их роду все учились в морском училище в Петербурге. А свое имение было под Киевом, оттуда дети уезжали получать образование. Дед решил: старшие братья моряки, а ему надо стать врачом. Тайно от семьи поступил в Петербурге в университет. Когда узнали, случился скандал, ему дома отказали в финансовой поддержке, он учился за государственный счет, потом его отправили в Литву, где он жил и работал. Я сама его не застала, но дома о нем рассказывали, говорили, что дед был хорошим врачом и человеком.

Кстати, отдельная история связана с киевским имением моих предков. Мама о той жизни нам не рассказывала — мы росли в деревне под Новосибирском, зачем нам надо было слушать о Киеве. Узнала я все позднее, а когда вышла замуж, и мой супруг учился в Киеве в военной академии, то решила разузнать про то имение. Оказалось, здание не разрушили в войну, и теперь в нем находится детский санаторий. Я поехала туда. Очень красивое здание! Такие сильные испытала эмоции, что в холле упала в обморок и потом две недели пролежала в госпитале. Оказалось, у меня сердечный приступ. После распада СССР мой двоюродный брат генерал поехал в Москву, изучил дворянские архивы, нашел документы на тот дом и его получил.

Что до моей учебы, то я окончила семь классов, училась здорово: все трое детей из нашей семьи окончили школу с золотыми медалями. В 15 лет поступила в Бийске в медицинское училище. Летом 1941 года у нас должны были быть выпускные...

— А вместо этого отправились на фронт?

— Сначала наших мальчишек вызвали, присвоили им звание лейтенантов. Они вернулись в форме. Мы их не узнали сначала, какие красивые были парни! Мы тоже хотели на фронт, всей группой направились в военкомат. Помню, на улице стояла жара, народу полно, идет призыв... К нам вышел замученный капитан: «Девчонки, ради бога, уходите, нет времени на вас. И никуда не уезжайте из города, мы скоро вас призовем!». Так оно и случилось, нам тоже присвоили звание, и в часть мы явились лейтенантами.

— Куда вас отправили?

— Сначала я была фельдшером в пехотном батальоне. Это самое страшное, где солдаты в атаку ходят. Мы многое умели, нас в училище очень хорошо готовили. После войны я однажды смотрела на выпускников училищ, их с нами было не сравнить,

гораздо меньше знали. А когда мы учились, уже шла война с финнами, и мы все умели делать. Я даже сосуды сшивала! Нам серьезно хирургию преподавали.

На фронт нас отправили под Смоленск. Только стали разгружаться, как немцы начали нас бомбить. Попали в окружение, с августа по октябрь были там. Из него я не вышла, а меня вынесли солдаты на плащ-палатке, такое было истощение.

— **Как выживали в тех условиях?**

— Очень страшно было! Самое ужасное — все такие молодые люди, офицеры были почти наши ровесники, чуть старше 17 лет. И вот ухнет рядом снаряд — и половины тех людей, с кем ты только что разговаривал, больше нет, они погибли. Постоянно приходилось это переживать.

— **А как было в плане бытовых условий?**

— Терпели, конечно, много неудобств. Самое запомнившееся — не было возможности помыться... Форма и белье были, нам выдавали коротенькие рубашки из тонкой ткани. Потом из Англии жена Черчилля нам прислала очень красивые армейские платья и шинели. Они сшиты были здорово, из качественной ткани хорошая. Мое платье было 44 размера, такая я была худенькая. Защитного цвета, а шинель светло-табачного, с поясом, похожая на пальто.

— **Насколько тяжело было с продуктами?**

— Осенью и весной есть было почти нечего. Продукты поступали плохо, потому что дороги размывались. Оставалось одно — есть овсяную кашу без соли и без масла... Я потом лет 20 не могла даже видеть овсянку. От слова «каша» я была готова просто из кожи выскочить!

— **Как во фронтовых условиях медикам удавалось сохранять стерильность?**

— Все инструменты, ножницы, шприцы заранее готовили в медсанчасти и упаковывали. Потом старались взять в санитарную сумку больше необходимых вещей. Боролись с инфекционными болезнями. Я была на фронте с 8 августа 1941 года и до конца войны. Тифа у нас нигде не было. Солдаты умели стерилизовать одежду от вшей. Сваривали две бочки, в

одной топится, в другой вода кипит, и туда вешают шинели. Термометром контролируют, сколько градусов. Надо смотреть, чтобы было больше ста. Так все дезинфицировали.

— **Во время войны вам не удалось избежать ранений?**

— Да, однажды попала в медсанбат как пациент. У меня лопнула лопатка, в глаз попал осколок, и правая рука была сломана в кисти. Из глаза осколок мне вытащили магнитом, но видеть он перестал. Гипс надо было держать на руке 71 день. Но в медсанбате было тяжело: работников мало, нас бомбят, убивают медсестер, врачей... Мне говорят: «Броновицкая, хватит лодыря гонять! Иди решай, кого первым на операцию отправлять, у кого какие полостные ранения». Санитара отправили мне помогать. Потом, когда я выздоровела, меня уже не хотели выписывать. Раненых было так много, что иногда по три дня не выходили из операционной. Захочешь в туалет — тебе туда принесут и ходишь прямо у стола. А спать совсем не доводилось...

— **И долго удавалось не спать?**

— Был случай, я три дня у операционного стола простояла. Есть уже не хотелось, в ушах звенело. Легла спать в землянке. Там у меня стояла обыкновенная солдатская кровать, железная, со спинкой, а на стене висели носилки. И пока я спала, рядом упала бомба, крыша обрушилась. Носилки упали так удачно, что меня прикрыли. Я проснулась от того, что все кричат: «Броновицкая!». Спрашиваю, что случилось? А потом смотрю — лежу под открытым небом, хотя засыпала под крышей в землянке. Носилки меня спасли. Я так крепко спала, что ничего не заметила. Мне было все равно, что бомбят, лишь бы выспаться.

— **После ранения вас перевели в зенитные войска?**

— Там было проще — они дольше стояли на одном месте. Охраняли мосты, эшелоны сопровождали. Нам не приходилось бегать, давали санитарную машину. Столько девчонок-зенитчиц погибло, когда немцы стали нас бомбить. Как черная стая прилетала...

— **Как на войне относились к девушкам, сложно ли было среди мужчин?**

— Не знаю, как к другим, а ко мне всегда хорошо, с уважением. Шутя даже звали по имени отчеству. Я воспитанная была, для своего возраста образованная. А еще ко мне генерал приезжал. У моей тети было восемь детей, один из сыновей, Женя — военный полковник, а во время войны стал генералом. Он был 1909 года рождения, блондин, рост метр 94, не располневший, подтянутый... Его дивизия близко стояла, он часто приезжал ко мне. Начальство знало, он двоюродный брат, а мальчишки не понимали, кто он, побаивались: с этой девочкой не шути, к ней генерал ездит.

— **Но с мужем Владимиром вы познакомились на фронте?**

— Да, мы вместе служили, в одной части, мы ровесники. Муж у меня был очень добрый и умный. Зенитная артиллерия — это не пехота. Обычно туда попадают дети высокопоставленных людей. А Володя вырос в саратовской деревне. Но он прекрасно знал немецкий — выучил его в детстве благодаря соседям из Германии и обладал феноменальной памятью. Помню, меня поразило, когда ему при мне прочли вслух статью из газеты, а он сразу запомнил ее и рассказал наизусть. Во время войны он с другими ребятами разработал проект, позволяющий использовать для пушек не шесть, а десять зарядов. Доложили в военную академию. Их вызвали на учебу. Перед отъездом он задумал на мне жениться. Причем я об этом не подозревала, он не со мною разговаривал, а поехал к Евгению, моему двоюродному брату. Я не знала о его планах. И вдруг приезжают Женя и Володя. Шел июнь 1944 года, война. Евгений говорит: «Тамара!». А меня все только Тамарой звали, не Томой, исключением потом стал муж. «Где ты такого парня найдешь? Выходи за него замуж!».

— **Вы не были в него влюблены?**

— Он мне нравился, но я ни в кого не была влюблена. Мне совсем мало лет было, и война.

Уговорили меня выйти замуж. В штабе нам выписали проездные, и мы поехали в Черкассы расписываться, поскольку рядом с этим городом стояли части. Пришли в ЗАГС. Нас расписали и свидетельство о браке выдали на украинском. Помню, было 6 июня. Вышли из ЗАГСа на улицу, солнышко светит. Супруг спрашивает: «Куда пойдём?». Я ему говорю: в ресторан. Они тогда уже работали. Мы поели, отметили свадьбу. Не выпили — я не пью, совсем и никогда (потом выяснилось, у меня нет фермента, расщепляющего алкоголь, но у нас в семье в любом случае было не принято выпивать). На вокзале узнали, что его поезд в Москву, в Академию через два часа, а мой вечером. Так и расстались, разъехались.

— Семейная жизнь началась только после войны?

— Нет, нашу часть в Ростов переводили, а муж сдал в академии первые экзамены и перешел на заочное отделение. Узнал, где наша часть и туда приехал. Жили мы сначала в непростых условиях, вместе с двоюродной сестрой Леной в крошечном помещении в полуразрушенном доме. Мы с Леной спали вдвоем на узкой кровати, а Володя на диване.

Муж еще и отворачивался к стенке, чтобы не видеть, как сестра переодевается. Так несколько месяцев продолжалось, потом мы смогли найти себе квартиру. Это теперь еще до женитьбы многие невесты беременные, мы сначала отдельно, можно сказать, жили.

Муж у меня был необыкновенный, добрый и красивый. Детей мы, к сожалению, родить не смогли — из-за того, что у меня был туберкулез почек. Володя умер внезапно в 44 года. У меня через несколько месяцев после его ухода случился инфаркт.

— Как вы узнали, что война закончилась?

— Помню, было воскресенье, и всю ночь кругом стреляли. Мы долго не спали, не понимали: почему не объявляют тревогу, но слышны выстрелы. Утром проснулась рано, в шесть часов. Пришел денщик, сообщил, что мы пойдем всем батальоном проверять девятую батарею. Только вышли — навстречу бежит девчонка-радист и кричит: «Война кончилась, по радио передали!» Все мы просто обалдели. Я побежала в медсанчасть. Пришел начальник медсанчасти — перекрестился. Но никто не собирался, не выпивал, никак не праздновали. Просто потрясенно переглядывались. Девчонки плакали — у кого папа на войне погиб, у кого жених, у кого брат. У меня оба брата тоже погибли. А у моей тети убили четырех сыновей! Это ужасно. Все они были военные офицеры, прекрасные люди... Как она перенесла столько горя?! Но два сына и две дочери из ее восьми детей выжили.

Мне до сих пор война снится в кошмарных снах. Определенные эпизоды вспоминаются. Недавно видела момент, когда мы от танка убегали.

— **При всем ужасе и потерях, научила ли война, то страшное время и чему-то хорошему?**

— Я стала организованной, появилась внутренняя собранность. Особенно если что-то случилось — знаю, не впаду в панику, пойму, что мне надо сделать. И сама человеческая дружба безо всяких выгод. На войне была такая.

— **Как вам сегодня живется в Томске, всего ли хватает?**

— Я получаю хорошую пенсию. Для меня это достаточная сумма, я живу одна, ничего особенного мне не нужно. Правда, тяжело, что у меня здесь никого нет, ни родных, ни друзей. А я почти ничего не вижу. Скоро должны переехать дальние родственники, будет легче.

— **А как вы вообще оказались в нашем городе, вы же переехали совсем недавно?**

— Я долгие годы жила в Саратове, там были родственники моего мужа. Потом все они умерли, я осталась одна, мне нездоровилось. Перебралась в Бийск, где освободилась квартира родных. Вскоре двоюродная сестра приехала, стала уговаривать меня к ним переехать, ее дочка в селе Подгорное работала детским врачом. Я переселилась, но там у меня была квартира в старом доме, хотя и большая, но не в лучшем состоянии. В подполе что-то гнило, а я запахи не переношу. И как раз в те годы начали давать участникам войны квартиру... Мне повезло! Добавила своих средств и купила хорошую квартиру в Томске в новом доме. Хотя никаких друзей у меня тут нет, но ко мне очень хорошо относятся.

— **Какие чувства у вас сегодня вызывает День Победы?**

— Отвечу цитатой из песни: «Как много их, друзей хороших, лежать осталось в темноте — у незнакомого поселка на безымянной высоте». Если я одна, то вспоминаю погибших и реву.